

I

Моя сестра, и я, и наш младший брат родились (именно в такой последовательности) в весьма обеспеченной семье, и, если не брать во внимание последнее нечетное прибавление, жизнь наша текла своим чередом, размеренно и скучно, до того вечера в 1970 году, когда мама, выслушав, что папа говорил ей по телефону, высморкалась в кухонное полотенце, — а это значило, что ситуация сложилась действительно чрезвычайная.

На следующее утро она сняла сковороду с яичницей с зажженной плиты и швырнула в папу, который, сидя за столом, читал газету. Уверенный, что сковорода горячая, он взвизгнул, как девчонка, и свалился со стула. Сковорода не была горячей (а мама не была сумасшедшей). Некоторое время папа продолжал лежать на полу, пока мы все не отвернулись приличия ради. Потом он встал и пошел за кофе. Но не успел он взять кофейник, как мама на него набросилась, они поскользнулись на обрывках мокрой «Дейли телеграф», упали и начали кататься по полу. Вначале было не страшно, похоже на драку на детской площадке, но потом папа сжал мамину шею своими большими белыми руками, а у мамы с ноги соскочила туфля — ну точно как в рассказе с убийством

или в сказке. Я очень хотела, чтобы она сбросила папу, как дзюдоистка, и наступила ему на горло оставшейся туфлей, но вмешалась миссис Лант и разжала папе пальцы.

А тут как раз наступило 8:30, и папин шофер (Кеннет — он жил в домике рядом с нашим особняком) загудел и увез папу в офис на «даймлере». Папа уехал в ярости, весь растрепанный, в мокрой рубашке. Мама пригладила платье руками и налила себе скотч с имбирным элем. Она не подошла к столу, накрытому к завтраку, она не улыбалась, и не плакала, и не смотрела на нас, а просто стояла у буфета в одной туфле, погружившись в свои мысли.

Позавтракали мы печеньем — все остальное погибло во время беспорядков (по словам миссис Лант). В те времена люди не забивали кладовку продуктами. Продукты покупали каждый день. Миссис Лант покупала.

Как я уже сказала, мама стояла, опершись на буфет, и думала, и когда она прикончила свой напиток, ей явно пришла в голову какая-то мысль и она тотчас же бросилась в прихожую. Она набирала номер, а мы, взбудораженные случившимся, внимательно прислушивались: интересно, с кем это она вдруг решила поговорить? Миссис Лант не пыталась отвлечь нас болтовней, а замерла у двери, тоже прислушиваясь. Она даже приложила палец к губам.

Я подумала, что мама, наверное, звонит в полицию или этому мужчине по имени Фил. Но на самом деле она просто отменила доставку угля.

— Ну тогда договорились, — сказала она подрагивающим, но решительным голосом. — Я заплачу в конце недели.

Еще одно разочарование для нас.

Родители любили, чтобы в камине всегда горел огонь, и не разжигали его только в самую жару. Папа предпочитал уголь, он смотрел на оранжевое пламя, пока его щеки не покрывались пятнами, а глаза не переставали моргать. Маме больше нравились дрова — нравилось, как огоньки пляшут вокруг распадающегося бревна, вот в таком духе. Уголь она не любила, не любила его влажную черноту, что мерцала в зияющей пасти ведерка. И она терпеть не могла золу от угля, зола повисала в воздухе черной пылью после того, как миссис Лант почистит очаг, в отличие от более послушной древесной золы. Все это мы знали, потому что мама написала стихотворение, в котором содержались все приведенные выше образы. Кроме того, она невзлюбила угольщика, когда увидела, как он писает на клумбу. Она бы не возражала, вот только он специально целился в календулу и прибил ее к земле.

Этот образ она в стихотворение не включила, но пожаловалась папе, который сказал: «Подумаешь, парню надо было пописать». А потом смеха ради втянул в обсуждение миссис Лант: «А вам приходилось видеть, как облегчается угольщик, миссис Л.?» — спросил он. И миссис Лант охнула, как леди в ситкоме, и умчалась, что-то бормоча себе под нос.

Вот так вот. Угольщик больше не приходил, и мы перешли на дрова, которые молочник подвозил на своем дребезжащем открытом фургоне прямо к дому, кружа по дорожке, словно катался на карусели, при этом содержимое тележки едва не выпадало сбоку. А кроме того, он насвистывал сквозь зубы и обожал нашего лабрадора Дебби.

Миссис Лант сказала, что все это прекрасно, но дрова нужно складывать в поленницу и держать в сухости

(но не пересушивать), а еще в них любит селиться всякая живность, которая может напугать до полусмерти. В то время как уголь для жизни непригоден, и все с ним просто и понятно. Мама напомнила ей о писающем угольщике и осталась на своих боевых позициях.

И я подумала, что переходом на дрова все и закончится. Но сестра так не думала. Она беспокоилась по поводу того, что папа все не возвращается, и время от времени донимала меня — проверяла, начала ли и я беспокоиться. Как будто рано или поздно мне полагалось непременно обеспокоиться. Очень она старалась заразить меня своей тревогой.

— Без него мама 100% чокнется, — сказала сестра. — Давай молиться, чтобы он поскорее вернулся домой и чтобы они не разошлись.

— Они не разойдутся, — ответила я.

— А я готова поспорить, что разойдутся. Между ними нет ничего общего, они как вода и камень, — сказала сестра.

Я с ней не согласилась. По-моему, они просто разные виды воды (или камня). По мне, так между ними было много общего. Внешне они похожи, оба обожают поджаренный хлеб, и походка у них одинаковая, с пятки на носок, оба любят Айрис Мердок, и оба одинаково покашливают — будто очень быстро произносят слово «камин». На самом деле можно перечислять и перечислять, но я ничего из этого не сказала сестре, потому что никакого особого вывода из этого списка вроде и не следовало.

Правда, я сказала: «Они оба любят сидеть у горящего камина». И тут мы снова вернулись к угольщику.

Мама постаралась сообщить о том, что они с папой расстались, как можно более безболезненно для нас.

— Я хочу, чтобы для вас это прошло как можно более безболезненно, — сказала она убаюкивающим голосом, — но мы с вашим отцом решили развестись, папа теперь живет в нашей квартире.

Но когда у сестры вырвалось: «О нет! Бедный папочка», мама взорвалась:

— Бедный папочка? Бедный папочка, блин, на седьмом небе от счастья!

И она зарыдала, комично всхлипывая, и я старалась не смотреть на сестру, чтобы не расхохотаться. В таких ситуациях меня вечно тянет на смех.

Я не могла понять, как сестра, которая так явно беспокоилась за маму, ухитрилась выдать «бедный папочка». Честно, не могла понять.

Сестра немедленно написала папе на специальной бумаге для писем персикового цвета, умоляя его не расставаться с мамой, и вложила письмо в конверт того же цвета. Это было краткое и деловое послание, в котором имелась фраза: «Мы с Лиззи испытываем некоторое беспокойство по поводу будущего», папа не написал в ответ, но позвонил и обсудил с мамой ситуацию, а также предупредил, что шофер Кеннет заедет за его личными вещами. После чего мама велела нам не спускать глаз с Дебби: с шофера станется прихватить и нашу собаку.

Кеннет прибыл на следующий день и собрал вещи: набор щеток для волос, тостер и картину, на которой была изображена охотничья собака, осторожно держащая во рту мертвую птицу. Сестра заранее приготовила целую гору вещей для папы — в том числе подушку, которая явно ему нравилась, — но Кеннет не отклонялся от списка и захватил еще только одеяло, в которое завернул картину.